

О.Г. Карпович

АНТИГЛОБАЛИЗМ И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация: В настоящей статье раскрывается сущность радикального (реформаторского) подхода к глобализации. На данный момент почти все радикально настроенные к глобальному порядку акторы – это социальные движения. Но не все социальные движения являются радикальными. Они представляют фактически весь идеологический спектр: от движений, продвигающих мир и либеральную демократию до тех, что придерживаются коммунистических или даже неонацистских идей. Но среди них именно альтерглобалисты и антиглобалисты – это отдельные и уникальные феномены, стратегии которых присутствуют только в этом типе акторов и нигде больше.

Ключевые слова: глобальные проблемы, глобализм, глобалисты, альтерглобалисты, идеология, либеральный подход, стратегии глобального управления, международные отношения, мировая политика, интересы, ценности, акторы.

Сам по себе радикализм ориентирован на поворот, перемену, граничащую с отрицанием. В идеологическом срезе стратегий отрицание существующей глобализации проявляется в двух разнонаправленных видах: в стремлении ее изменить и в стремлении ее отменить.

Носители радикальных стратегий, как правило, международные неправительственные организации и социальные движения, что неудивительно, учитывая декларативный и демагогический характер деятельности этих акторов, когда прямые рычаги принятия решений им недоступны, и они не несут ответственность за сколько-нибудь широкую социальную группу. Их основной ресурс – символический. Символическое воздействие умножается глобальными СМИ, сообщая об их протестах на саммитах.

В идеологическом плане современные альтерглобалисты придерживаются социал-альтернативистской стратегии. Их иногда неверно называют антиглобалистами, хотя это два совершенно разных радикальных движения. Дело в том, что новое левое движение получило название антиглобалистского с легкой руки журналистов. На самом деле подавляющее большинство представителей этого движения выступает не против глобализации как объективного процесса, а про-

тив тех, кто в массовом сознании олицетворялся ответственным за негативные последствия глобализации (ТНК, правительства развитых государств, международные институты). Движение как раз поддерживает глобализацию, понимаемую как положительное объединение человечества не на основах неолиберальной экономики и эксплуатации: «мы выступаем за интеграцию в интересах людей, культуры и природы, интеграцию, проводимую снизу и демократически. Вот почему мы будем стремиться писать о нас как об альтерглобалистах»¹.

В связи с подобным настроением представителей этого движения А. Галкин предлагает называть их «иноглобалистами», в то время как А. Тарасов сообщает, что сами они называют себя «новым антикорпоративным движением», «новым антикапиталистическим движением», но чаще всего – «движением за глобальную демократизацию». Мы будем использовать более менее прижившееся и в целом верно отражающее суть наименование «альтерглобалисты».

Альтернативный взгляд на глобализацию начал зарождаться во второй половине 1990-х гг. в США и За-

¹ Альтерглобализм – теория и практика «антиглобалистского движения» / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: УРСС, 2003.

падный Европе. Сначала такого взгляда придерживались некоторые эксперты, идеологи и политики, потом настроения интеллектуальных и политических элит подхватили общественные движения и неправительственные организации.

Известно, что радикальные антибуржуазные движения существовали и ранее, достигнув особой массовости в 1970-х гг. Однако между бунтом 70-х гг. и бунтом 1990-2000-х гг. существует важная для нас разница. Бунтари 1970-х не говорили, что их не устраивает миропорядок в целом, и именно поэтому они не были мирополитическим движением; у них не было избранной стратегии так как они не выдвигали никаких альтернатив. Альтерглобалисты – это новое движение потому что «представления о глобализации и ее направленности, о политическом и экономическом мироустройстве и его возможной коррекции стали системообразующими основами для их идейно-политических позиций»². В то же время генетическая связь альтерглобалистов и новых левых очевидна.

Можно даже сказать, что альтерглобалисты – это левые эпохи глобализации, эпохи глобального управления, которое позволяет коммунистам и анархистам развивать и проводить свои стратегии (пусть и в основном символического характера) в транснациональном масштабе.

Между тем, «левые» – это весьма широкая категория, поэтому ни о каком созвучии взглядов альтерглобалистов не может быть и речи. Только несколько общих лозунгов (зачастую отрицательных) могут собрать в рамках конгломерата такие разные группы как анархисты, троцкисты, маоисты, продолжатели идей новых левых, либертарианцы, природозащитники, пацифисты, борцы за права потребителей и меньшинств.

Весь этот конгломерат можно разделить, по традиции, на два подтечения – *умеренное* и *радикальное*. И зачастую между ними обозначается не просто количественная разница в степени радикальности, но и качественная, приводящая к конфликтам.

Нельзя сказать, что деятельность радикальных альтерглобалистов приводит исключительно к отрицательным результатам. Своей популярностью альтерглобалисты во многом обязаны именно протестам радикальных групп. Они активно действовали вплоть до 2002 г., поле чего среди альтерглобалистов стали преобладать умеренные.

Среди конкретных организаций умеренного крыла альтерглобалистов можно назвать *Всемирный социальный форум* и *АТТАК* (Движение за налог на финансовые операции в помощь гражданам). Первая известна тем, что интегрировала на своем фундаменте многие разрозненные альтерглобалистские движения, а последняя задает идеологическо-стратегический фон всем проводимым форумам.

Ценности альтерглобалистов во многом сходятся с ценностями социал-реформаторов (права человека, защита окружающей среды, демократия как принцип организации общежития человечества в глобальном масштабе). Главное же отличие в том, что стратегии радикалов *напрямую* конкурируют с неолиберальными стратегиями, носителями которых выступают правительства, ТНК и межправительственные организации, которые устанавливают выгодные корпорациям правила игры.

Однако стратегии альтерглобалистов редко приводят к ощутимым сдвигам хотя бы в идеологическом измерении глобального управления. Можно поставить под сомнение не только эффективность символического воздействия и неконструктивных протестов альтерглобалистов, но и то, на чем держится гордость и привлекательность этого движения – их независимость. Ведь протестные форумы организуются при поддержке европейских политических элит. Но не напрямую, а через посредничество французских лево-либеральных идеологов. Столкновения альтерглобалистов с представителями власти никогда не были достаточно драматичными. Наоборот, зачастую удается примирить «радикалов» с лидерами развитых стран. Так, в 2001 г. между Давосом (местом проведения ВЭФ) и Порту-Алегри (местом проведения ВСФ) был устроен телемост. Также не стоит забывать о практике сотрудничества корпораций с альтерглобалистскими НПО и движениями. Вновь можно заметить, что различия между западными идеологиями не такие глубокие как казалось.

Все это подтверждается тем, что многие цели альтерглобалистов и их «противников» схожи. Это касается роли государства в современном мире. Обе конкурирующие стратегии больше не видят в государстве эффективного средства перераспределения. Также удивление вызывает то, что альтерглобалистскому дискурсу практически не сопротивляются. Вполне возможно, что господствующая стратегия видит в альтерглобалистах эффективное средство «выпустить пар» и протолкнуть под вывеской глобального гражданского общества определенные ценности и идеи.

² *Войтоловский Ф.Г.* Единство и разобщенность Запада. Стр. 422.

В целом появление альтерглобалистов явилось результатом неспособности социал-демократии дать адекватные ответы на вызовы времени, господствующей стратегии и дискурса, а также результатом упадка коммунистического движения после краха социалистического мира. Малопродуктивные радикалы и аморфное умеренное крыло, по сути, дискредитировали идеологическую оппозицию своей несостоятельностью.

Но еще более радикальной, по крайней мере, по отношению к глобализации, является национал-нигилистская стратегия. Сразу же возникает трудность с тем, что эта стратегия не вполне является стратегией мирорегулирования. Глобальное управление само по себе не приемлется этой стратегией. Можно даже сказать, что эта стратегия и состоит в противодействии глобальному управлению и глобализации. Националистические деятели, руководствующиеся этой стратегией, считают глобализм, хоть в неолиберальном, хоть в социалистическом ключе, своим главным врагом. Поэтому вряд ли можно сказать, что существует некая «националистическая стратегия глобального управления». Именно поэтому мы называем ее национал-нигилистской. Но это не значит, что это идеологическое течение стоит отбросить. Во-первых, потому что любое более-менее влиятельное идеологическое движение способно всколыхнуть нити глобального управления вплоть до их полной парализации. А во-вторых, потому что международное взаимодействие, особенно в современности, нельзя отбросить. Это приводит к тому, что националистам все равно приходится разрабатывать стратегии мирорегулирования, хоть эти стратегии и будут относиться не к глобальному управлению, а к *международному* (межгосударственному).

Националистически настроенные деятели стали нигилистами тогда, когда глобализация стала основным трендом и узурпировала пространство мирового дискурса. Именно это сделало их изначально «домашний» подход глобальным. С середины 1990-х гг. старые консерваторы Соединенных Штатов начали выступать с резкой критикой экономической глобализации, угрожающей, по их мнению, национальному суверенитету и идентичности (причем Америке в гораздо большей степени, чем другим странам). Парадоксальный на первый взгляд тезис они доказывали тем, что США в первую очередь вовлечены в глобальную экономику. Это создает угрозу для американской культуры и ценностей. В конце 1990-х гг. почти то же самое про свои нации говорили европейские консер-

ваторы: глобализация вредна для национальных экономик, культур и традиций.

Именно эти очаги несогласия стоит называть «антиглобалистскими». Не стоит путать их с альтерглобалистами, которые в идеологическом измерении являются левыми, в то время как антиглобалисты – это праворадикальные силы, выступающие против разрушения традиционного образа жизни. Главное отличие между ними заключается в отношении к глобализации. Первые призывают ее скорректировать и углубить, вторые мечтают ее упразднить.

Несмотря на то, что в массовом сознании эти два движения сливаются воедино под образом уличных бунтарей, протестующих на саммитах G8, эти движения очень разные. Были отмечены даже случаи столкновения между альтерглобалистами и антиглобалистами. Один из них имел место в 1999 г. на первомайской демонстрации анархистов и коммунистов в Праге. Протестуя против засилья транснациональных корпораций и операции НАТО в Югославии, они вошли в конфликт с правыми радикалами, пришедшими с противоречивыми лозунгами «Нет капитализму и коммунизму» и также протестовавших против НАТО.

В этом движении тоже есть свое умеренное и радикальное крыло. Внутригосударственный идеал последних – этнократия, а мир представляет собой совокупность закрытых государств. Иногда к этим идеям примешиваются элементы расизма и шовинизма. Умеренные националисты видят международные отношения как сосуществование суверенных государств на основе баланса сил.

К умеренным национал-нигилистам относятся Национальный фронт Франции, европейские фермерские движения, группы американских неоиоляционистов из числа «старых консерваторов». Национал-нигилистская стратегия зачастую показывает свою результативность в рамках «своей» местности. Они пользуются поддержкой коренного населения и оказывают значительное влияние на принятие государственных решений.

Несмотря на все сказанное, не стоит радикально противопоставлять социал-альтернативистов и национал-нигилистов. Между умеренными ответвлениями обоих иногда происходит взаимодействие. Точкой пересечения стратегий выступает антиамериканизм. Также, помимо радикальности и антиамериканизма, движения сходятся в вопросе необходимости регулирования транснациональных финансовых потоков.

Только антиглобалисты считают, что этим регулированием должны заниматься государственные механизмы, в то время как альтерглобалисты говорят о глобальных механизмах.

Таким образом, существует несколько проверенных идеологических экранов, через которые воспринимается акторами глобальное управление. Это экономический, социальный и национальный экраны, причем непосредственно связанными с глобальным управлением оказываются только первые два. В основном противостояние идет по линии «стихийный рынок – направляемое развитие». Ф. Войтоловский считает, что насаждение и популяризация этих двух, не таких уж противоречивых, позиций отражает факт достигнутого во второй половине XX века западного межэлитного консенсуса насчет идеологических основ мира. Однако в рамках этой темы важно было бы узнать реалии идеологического процесса в незападном мире, который испытал результат «межэлитного консенсуса» лишь косвенно.

Но последующий анализ стоит обогатить *цивилизационной* составляющей. Темы идеологии и цивилизации трудно и непродуктивно рассматривать сепаратно. Корреляции между идеологическим и цивилизационным преломлением глобального управления замечает Н. Косолапов, когда упоминает такие выражения как «западная модель экономики» и в целом рассматривает противостояние «Запад-Восток» в контексте идеологий. Также исследователь считает, что такие различия между цивилизациями как раса, этнос, мировосприятие и религия тоже следует считать идеологическими.

После многих лет доминирования западной модели мира сегодня наблюдаются реальные предпосылки для формирования экономически сильного, демографически и военно-подкрепленного, ресурсно-обеспеченного конкурента не-западного происхождения³.

Директор Института США и Канады РАН С.М. Рогов пишет: «Впервые глобальная система формируется не на основе единой, европейской или христианской, цивилизации, а на основе мультицивилизации»⁴.

³ Манойло А.В. Ценностные основы управления межцивилизационными конфликтами: российская модель. // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. – 2012. – №3. – С. 89-92.

⁴ Рогов С.М., Кременюк В.А., Сунян В.Б., Гарбузов В.Н. Россия и новый этап развития международных отношений. Стр. 7-8.

Концепция внешней политики РФ также больше не признает гегемонию западных стратегий, но, что для нас важно, акцентирует внимание на конфронтации: «Глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение, что предполагает конкуренцию между различными ценностными ориентирами и моделями развития в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики»⁵. Последнее замечание особенно примечательно. Но действительно ли заявление в официальном документе о наличии универсальных ценностей отражает суть мировых стратегических диспозиций?

Конец идеологической биполярности действительно привел к тому, что демократия и рыночная экономика стали признаваться универсальными ценностями. Однако, как замечает Косолапов, коммунизм как проект на планете продолжается благодаря Китаю. И именно его возвышение, став сенсацией последнего десятилетия, подвело исследователей к мысли о цивилизационно-идеологической многополярности ближайшего будущего.

Мы имеем право рассматривать китайскую стратегию как серьезного конкурента господствующему западному дискурсу. Достаточно упоминания того факта, что каждый пятый землянин живет в «коммунистическом» Китае. Э. Экономист считает, что Пекин больше не может одновременно придерживаться завета Дэн Сяопина «Скрывайте талант, цените безвестность» и поддерживать высокие темпы экономического роста и внутривнутриполитической стабильности. Поэтому началась кампания по «выходу вовне», «призванную изменить общепринятые нормы и международные организации. Преобразуя себя, Китай преобразует мир»⁶.

В идеологическом плане Китай придерживается достаточно гибкому, альтернативного советскому варианту социалистической идеи. Китайский социализм сумел интегрировать культурно-цивилизационные особенности этой страны в виде конфуцианской этической системы и в то же время некоторые капиталистические механизмы Запада.

Китайские политики свое мирополитическое видение и стратегию пытаются связать с цивилизационной спецификой своей страны. В частности, цивилизаци-

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации 12 июля 2008 года

⁶ Экономист, Элизабет. Фактор, меняющий правила игры. // Журнал «Россия в глобальной политике». 14 февраля 2011. <http://globalaffairs.ru/number/Faktor-menyayuschii-pravila-igry-15107>

онно-исторические корни якобы имеет внешнеполитический лозунг Китая о «гармоничном мире». Основы этого подхода сформулировал Ху Цзиньтао в апреле 2005 г. в Джакарте. «Гармоничный мир» предполагает создание демократичного, справедливого и равного миропорядка, обеспечивающего всему миру процветание в многообразии на основе доверия, сотрудничества, взаимопомощи наций и устойчивого развития. В настоящее время положение о «гармоничном мире» включено в программный раздел Устава Коммунистической партии Китая.

Заместитель директора Бюро переводов при ЦК КПК, глава Центра сравнительных политических и экономических исследований Юй Кэпин замечает много сходств между китайской концепцией «гармоничного мира» и американской по происхождению теорией *global governance*: обе теории «коренятся в заботе об общей судьбе человечества, обе выступают против унилатерализма и гегемонизма, обе подчеркивают решение общих вопросов каждого государства через международное сотрудничество, обе выступают против “мира, управляемого Америкой”, и подчеркивают повышение роли ООН, обе настойчиво утверждают новый мировой политико-экономический порядок. Это китайский взгляд на глобальное управление, это мировоззрение Китая в условиях новых реалий и тенденций в изменяющемся мире; его можно рассматривать как выдвинутую китайской официальной стороной версию “глобального управления”»⁷.

Если вспомнить установки альтерглобалистов, которые, как мы замечали, имеют много общего с теорией глобального управления, то можно заметить, что именно оппозиционные и противопоставленные Западу акторы стремятся взять на вооружение концепцию *global governance*. В этой связи многие положения критически-дискурсивного понимания глобального управления ставятся под сомнение.⁸

Китай стремится, таким образом, перехватить у Запады инициативу в вопросах обсуждения тематики глобального управления, устойчивого развития, экологии. Идеологической основой такого захвата выступают издревле почитаемые китайской цивилизацией конфуцианско-гу-

маннистические принципы гармонии, взаимопомощи, приверженности золотой середине, неприятия двойных стандартов. Эта концепция явно противопоставляется силовой политике США и даже шире – всего Запада. А. Тойнби писал в связи с этим: «Как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все – русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные – ответят одинаково. Запад – скажут они – это архиагрессор современной эпохи, и у каждого найдется свой пример западной агрессии»⁹. И, кажется, именно в противоположность этой западной стратегии, Китай отстаивает идею невмешательства в чужие дела, многообразия путей развития, древнекитайский идеал «единства без унификации».

Тем не менее, не стоит считать, что будущее Китая – это мирового масштаба конкуренция с западным порядком, в которой эта страна будет пытаться реализовать свои концепции, сместив при этом западные модели. Уже сам «восточный» идеал китайцев препятствует такому повороту событий. И ожидать от Китая мирового лидерства было бы банально и наивно. Весь ход истории Незапада доказывает, что стратегия этих стран – особые. Они не предполагают экспансионистского характера в западном стиле, для Незапада характерно «воздержание от волюнтаристской активности (крайнее воплощение – концепция древнекитайской философии у-вэй («недеяния»); в восточном мире нет «деятеля» (преобразователя) в западном смысле, там человек следует ходу вещей, великому космическому закону»¹⁰. Эти основы, однако, не есть лишь философско-духовные, чуждые практическому расчету. Восточный (в частности, китайский) образ действия – это стратегии в самом практическо-утилитарном смысле. У этих стратегий есть особое название – «стратагема». Большинство китайских стратагем ориентированы на достижение эффективной и «ресурснезатратной» победы¹¹.

⁹ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М., 1995. – Стр. 156

¹⁰ Воскресенский А. Незапад в дискурсе мирополитической компаративистики. // Международные процессы. Том 2. Номер 3 (6). Сентябрь-декабрь 2004

¹¹ Т.е. победы в наименьшее количество ходов. Им чуждо понятие «пирровой победы», победы во что бы то ни стало, как и чуждо «западно-прометеевское» желание навязать «лучшее устройство» всему миру. В этом смысле «восточные» стратегии гораздо более эгоистичные и деидеологизированные в традициях *realpolitik*.

⁷ Цит. по *Борох О., Ломанов А.* Скромное обаяние Китая. <http://www.polit.ru/research/2008/04/07/china.html>

⁸ Так как критически-дискурсивное понимание предполагает разоблачение концепта «глобальное управление», направленного, якобы, на закрепление доминирования США и западных стратегий.

Причем зачастую они предполагают рецепты побед для стороны с заведомо слабой позицией. Для этого предлагается, вместо того, чтобы наращивать собственную силу, использовать силу противника, использовать уже созданные противником средства в своих целях.

Как мы знаем, в плане идеологий, например, Не-запад заимствовал идеологические разработки и теории у Запада, сделал их официальной идеей своих государств. Россия, являясь во многом Западом, также известна своим стремлением заимствовать западные изобретения.¹²

Возможно, именно поэтому Китай стремится скорее встроиться в существующую систему, чем выстроить свою. Например, свое информационное наступление он ведет из штаб-квартиры на Таймс-Сквер в Нью-Йорке (информационное агентство «Синьхуа»).

Относительная слабость Китая оборачивается победоносной стратегией, может быть, не вполне этически приемлемой для «еврохристианского» сознания, но эффективной. Путем подстраивания под существующую систему Китай заставляет остальное человечество работать на себя: «Вместо того чтобы решать застарелые проблемы в торговой и инвестиционной отрасли, Китай использует слабости и изъяны системы регулирования и правового режима для создания еще больших конкурентных преимуществ своим компаниям. Присвоение интеллектуальной собственности других фирм – это менее затратный путь с точки зрения финансов и времени»¹³.

Встраиваясь в существующую западную систему, Китай меняет ее. А если точнее, то активизирует «архетипы», всегда присутствовавшие в западной истории. Некоторые исследователи выделяют помимо глобального Запада и Востока еще и внутриззападные Запад и Восток, а отдельные ученые признают только последние: «Вопреки широко распространенному убеждению, подразделение на «Запад» и «Восток» относилось не ко всему миру... но к еврохри-

стианской его части»¹⁴. Как бы то ни было, ясно, что Китай во многом будет действовать в рамках внутриззападного Востока, если его стратегия «встраивания» не переменится на стратегию конструирования.

Но даже стратегия встраивания, по признанию некоторых специалистов, не сможет обернуться для Китая доминированием без поддержки других стран и блоков. На данный момент большим потенциалом обладает клуб БРИКС.

Отдельные журналисты и эксперты признают за этим объединением Бразилии, России, Индии, Китая и Южноафриканской республики контуры альтернативной модели глобальных властных отношений. Они считают, что блок призван стать альтернативой «западному порядку» и его задача – контрбалансирование Соединенных Штатов по всем вопросам глобального управления. В цивилизационно-культурном отношении, считает Б. Мартынов, страны БРИКС оказываются во многом схожи и поэтому могли бы противопоставить часто критикуемому «западному порядку» свои «восходящие цивилизации» с уважением ценностей коллективизма, духовности и государственности, а в идеологическом плане такие идеи как утверждение многополярности, сбалансированное развитие экономики и торговли и внедрение элементов социальной справедливости.¹⁵

Изначально эта параорганизация была настроена исключительно на экономическое взаимодействие, но благодаря усилиям России, а потом и одинаковому голосованию по Резолюции Совбеза 1973 она стала политизироваться и даже «секьюризоваться». Федерико Рампини пишет в статье, опубликованной в газете «La Repubblica», что именно критика в Совете Безопасности ООН по поводу бесполетной зоны в Ливии сделала нарождающиеся экономики единым фронтом в сфере внешней политики, единым дипломатическим альянсом. Бразилия, Россия, Индия и Китай воздержались при голосовании по резолюции, а когда начались военные действия, они сразу же выступили с критикой действий войск НАТО. Лишь один представитель БРИКС – ЮАР – поддержал создание бесполетной зоны, но потом выступил с критикой ее применения.

¹² Во внутривосточной политико-философской дискуссии многие мыслители, несмотря на то, что часто осуждали заимствование западных идей и нравов, во многом считали стратегически верным пользоваться научно-техническими достижениями Запада и учиться на его ошибках.

¹³ *Экономи, Элизабет*. Фактор, меняющий правила игры. Журнал «Россия в глобальной политике» // <http://www.globalaffairs.ru/number/Faktor-menyayuschii-pravila-igry-15107>

¹⁴ *Косолапов Н. А.* Идеология и международные отношения на рубеже тысячелетий. Стр. 228

¹⁵ *Мартынов Б.* «Групповой портрет» стран быстрого развития // Международные процессы. Том 6. Номер 1(16). январь-апрель 2008 <http://www.intertrends.ru/sixteenth/004.htm>

На третьем саммите БРИКС, проходившем 13-14 апреля 2011 г. ЮАР была официально принята в клуб. Кроме того, впервые БРИКС согласовали позиции по таким важным вопросам глобального управления как всеобъемлющая реформа ООН, скорейшее включение России в ВТО и сотрудничество в Совете Безопасности по вопросу мирного урегулирования ситуации в Ливии.

В плане конкурентности и конфронтационности по отношению к Западу группа БРИКС действует не особенно настойчиво. Сказываются многочисленные трудности. Во-первых, России трудно позиционировать себя как члена параорганизации, противопоставленной «западному порядку» хотя бы потому, что она входит в «конус» западного политического общества – в «Группу восьми»¹⁶. Во-вторых, политические интересы стран БРИКС зачастую разнонаправлены. Индия и Китай, например, имеют территориальные споры, а Бразилия – традиционная сфера влияния США. В-третьих, скептики считают, что БРИКС – это не политический, а тем более не идеологический и не цивилизационный антагонист Западу; БРИКС – это группа, стремящаяся вместе, согласованно проводить свои экономические интересы, добиться больших выгод для своих государств. Эксперты отмечают, что заявления лидеров БРИКС о схожести их интересов означают на самом деле лишь специфические преимущества для их собственных экономик. Например, в то время как Д. Медведев стремится увеличить привлекательность российской экономики для иностранных инвесторов, китайские лидеры создают искусственные препоны для внешних инвестиций.

Вопрос о БРИКС трудно отделить от вопросов о G5 и о расширении «Большой восьмерки». G5 – это группа пяти развивающихся стран (Китай, Индия, ЮАР, Мексика)¹⁷, которые не входят в центральный орган глобального управления (G8), но претендуют на вступление и часто проводят с ним совместные сессии.¹⁸

¹⁶ Хотя российские лидеры несколько раз заявляли, что G8 уже не приоритет для РФ так как существует параорганизация, которая гораздо точнее представляет мировые политико-экономические реалии (G20). Кроме того, такое раздвоенное положение России вполне отражает ее цивилизационную сущность как площадку диалога двух мировых цивилизаций (западной и незападной).

¹⁷ Иногда встречается обозначение B(R)ICSAM

¹⁸ Появилось даже обозначение G8+5 или «Хайлигендаммский процесс».

Мы можем говорить, что «Группа пяти» – это больше чем совокупность стран, стремящихся провести свои интересы. Часто заметны претензии G5 к идеологическому наполнению решений «Группы восьми». Страны G5 считают, что помимо защиты интересов инвестора важно принимать во внимание и интересы стран-реципиентов инвестиций. Есть также и другая проблема: сами развивающиеся страны сталкиваются с ограничениями своих инвестиционных возможностей на западных рынках. G5 считают, что транснациональные компании должны быть социально ответственны (в этих вопросах надо исходить из инициатив ООН, таких как «Глобальный договор») а также скептически смотрят на рыночные механизмы как единственную панацею для развития инновационных процессов.

Так как БРИКС и G5 связаны между собой¹⁹ своей альтернативностью по отношению к доминированию западных стратегий в мировых организациях и своим непризнанным потенциалом, то иногда встает вопрос о подключению к БРИКС таких акторов как Мексика, а иногда и Южная Корея. Если такие инициативы увенчаются успехом, то цивилизационная и идеологическая сторона объединения все более будет выхолащиваться.

Идеологическая альтернативность также играет не последнюю роль в данных организациях. Не только стратегии Китая, но и бразильские установки сильно тяготеют «влево». Это касается всей Латинской Америки, где события последних лет стали обозначать как «левый поворот». А Александр Тарасов даже предлагает называть возникшие левые режимы «антиглобалистскими»²⁰, что особенно интересно для нашего анализа.

Но не стоит поддаваться названию и считать, что альтерглобалистская идеология где-то имеет государственную или даже региональную власть. Конечно, в Латинской Америке к власти демократическим путем пришли Лула да Силва²¹, У. Чавес, Э. Моралес, иногда

¹⁹ Особенно если понимать G5 как B(R)ICSAM

²⁰ Тарасов А. «Антиглобалисты»: ликбез. http://sceptis.ru/library/id_2287.html

²¹ На президентском посту его сменила Дилма Русеф, однако это не привело к идеологической переориентации политики: Лула да Силва целиком поддержал кандидатуру Русеф. Кроме того, они состоят в одной партии – Партии трудящихся, а сама Русеф является бывшей революционеркой, она какое-то время состояла в радикальной фракции Социалистической партии.

даже своим президентским постом они были обязаны альтерглобалистским группировкам, но во многом их политика компромиссна. Это стало причиной раскола южноамериканских альтерглобалистов, радикальная часть которых стала рассматривать «левых» президентов как ренегатов и оппортунистов. А президенты, в свою очередь, вынуждены были применять полицейские методы для успокоения радикалов.

Но все же, многие альтерглобалисты переориентировались на не совсем свойственные себе внутривнутриполитические, государственнозащитные и пропрезидентские позиции. И если считать «антиглобалистские» режимы действительно альтерглобалистскими, то только очень умеренными, близкими к социал-реформизму из второй группы стратегий.

Некоторую цивилизационную конфронтационность иногда приписывают Шанхайской Организации Сотрудничества. Она бросает вызов уже не экономической однополярности, американизму и господству Запада в финансово-экономических организациях, но цивилизационной безальтернативности в области эффективного обеспечения безопасности. Однако несмотря на то, что ШОС иногда воспринимается как противоядие НАТО, на самом деле объединение восточных стран пока не планирует столкновения с центрами силы. По сути, страны ШОС хотят, чтобы глобальное управление безопасностью строилось на стратегии сосуществования нескольких центров обеспечения мира, во многом привязанных к цивилизационным очагам.

После теракта 11 сентября 2001 г., когда нашла свое «эмпирическое подтверждение» теория С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций», политологическое сообщество заговорило о конкуренции, даже конфронтации двух цивилизаций – западной и *исламской* (как части Незапада). Именно в этом столкновении политологи видели главный цивилизационный конфликт настоящего, да и будущего.

Но исламский мир и исламская внешнеполитическая культура очень отличаются от, скажем, китайской или индийской. Во многом она гораздо больше восточная, чем те, которые мы рассматривали выше.

Исламская цивилизация гораздо меньше приемлет глобализацию (а особенно американизацию), чем другие незападные миры. Исламские стратегии не подразумевают стратегию встраивания, они предполагают неизбежный конфликт – настоящее «столкновение цивилизаций», столкновение западного глобализационного проекта и варианта исламской глобализации – «всемирного халифата», отличающегося почти что «неокон-

серваторской» интолерантностью и пренебрежением к международному праву. Только ислам, по мнению этих идеологов, способен стать заменой «колонизаторской капиталистической глобализации»²². Проект имеет целью одно – возврат в золотую эпоху халифата (идеалом выступает Мединское государство 622-632 годов²³).

По сути, исламское восприятие международных отношений сочетает бескомпромиссность неоконсерваторов и нигилизм националистов-антиглобалистов. Несмотря на наличие определенной программы, исламский проект не выглядит конструктивной альтернативой²⁴. На практике эти исламские стратегии, как правило, оборачиваются голой деструкцией. Если пользоваться терминологией, которую предлагает, в частности, А. Воскресенский, то исламская стратегия является скорее стратегией «антилидерства», чем стратегией «контрлидерства»: антилидеры – это «страны способные при определенных условиях противостоять доминанту и даже проводить решения, которые идут в разрез с его политикой». Но самое главное, это то, что «антилидерам трудно преобразовывать свой разрушительный импульс в созидательный». Антилидера, в отличие от контрлидера характеризует «принципиальная невозможность превратиться в доминанта или гегемона. Для этого ему сначала нужно получить значительную поддержку в своем регионе, то есть стать региональным антилидером и начать формулировать не только «отрицательную», но и «положительную» «повестку дня»²⁵.

Соединяя вместе идеологическую и цивилизационную конкуренцию в мире, надо сказать, что современный миропорядок (с его доминированием западно-либеральной моделью американского типа) характеризуется отсутствием явных альтернатив, позиционирующих себя именно как что-то «другое» с разработанной системой предложений и идей, желающих и способных его изменить.

²² *Аль-Хатыб, Ахмад*. Глобализация: обман в определении и дикость в практике. <http://halifat.info/analysis/world/636-globalization-capitalism.html>

²³ *Коновалов В.Н.* Толерантность/ интолерантность в контексте глобализационных процессов. <http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/09510.htm>

²⁴ *Манойло А.В.* Глобальная нестабильность на пороге новой большой войны. // Мир и политика. – 2012. – №12. – С. 87-89.

²⁵ *Воскресенский Алексей*. Китай в контексте глобального лидерства // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2 (май – август). <http://www.intertrends.ru/five/002.htm>

Оппозиционные идеологическо-цивилизационные стратегии хотят либо (а) искоренить существующий порядок бесплодным и недалновидным методом партизанской войны, либо (б) «встроиться» в существующий и контролируемый Западом мировой порядок на выгодных для себя условиях. Используются методы не конфронтации, а торга. Такие структуры как ШОС и БРИКС не ставят под сомнение западные организации вроде ВТО и МВФ, они стремятся глубже внедриться в них и расширить в их рамках свои права.

Таким образом, из «осязаемых» стратегий практически ни одна не стремится и не в состоянии (в) изменить структуру глобального управления. Что касается будущего, то перспективы изменения могут быть связаны с тем, что либо (1) «внедренные» незападные акторы будут стараться изменить ориентацию политики глобальных институтов. Либо (2) укрепившиеся реформистские стратегии будут исходить из самого «центра» при поддержке умеренных общественных сил. Либо (3) усилия реформистского Запада и стратегии незапада соединятся и взаимоусилят друг друга в рамках глобальных институтов и приведут, в конечном счете, к сдвигам.

Однако необходимым условием сдвигов выступит не сильная воля наиболее крупных акторов и не насыщенность дискурса теми или иными идеями, а реальная необходимость, актуальность той или иной стратегии. Это может переплестись с выдвиганием на передний план «новых» идеологий, таких как «*концепция устойчивого развития*», продвигаемая ООН, различных *экологических* доктрин.

Кипевшая долгое время идеологическая борьба будет постепенно ослабевать, идеологии будут терять радикалистский и непримиримый характер. Никто не говорит, что между идеологиями будет достигнут консенсус. Полной конвергенции не произойдет, но будет определен разумный базис для дальнейшего развития.²⁶ Стратегии станут относиться друг к другу более терпимо, и произойдет это тем скорее, чем раньше человечество окажется от экономически детерминированного деления стратегий и идеологий в пользу, скажем, актуальных идей «устойчивости» и «стабильности».

XX век поставил свою задачу человечеству – достижение всеобщего счастья. Идеологии выстраивались

в соответствии с этой задачей. XXI век актуализирует уже несколько другие вопросы, более фундаментальные, в том числе, и для задачи XX века, которая все еще жива.

Однако, мировой порядок не такой гибкий и не такой слабый, чтобы поменяться от малейшего стимула. Он инерционен и имеет свой господствующий регламент, одно из положений которого – англосаксонские социально-экономические ценности, другое – западный универсум. Первое, скорее всего, если не исчезнет или не видоизменится, станет фундаментом для новой идеологии (если такая появится). Второе, видимо, останется доминировать, укрепляться и расширяться (потом и дробиться), так как мирополитические действия акторов будут разворачиваться именно в рамках этого универсума и дискурса. Дробление западного порядка будет связано, скорее всего, с внедрением в него незападных элементов и акторов, которые, если и будут позиционировать себя как Незапад, на самом деле, выражаясь постмодернистским языком, будут создавать лишь «симулякры» Востока. Ведь этот дискурс Востока будет реакцией на дискурс Запада, а следовательно, будет от него целиком зависим.

Библиография:

1. Альтерглобализм – теория и практика «антиглобалистского движения» / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: УРСС, 2003.
2. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е – 2000-е гг. – М.: Крафт+, 2007.
3. Рогов С.М., Кременюк В.А., Супян В.Б., Гарбузов В.Н. Россия и новый этап развития международных отношений. Стр. 7-8.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации 12 июля 2008 года
5. Эконом, Элизабет. Фактор, меняющий правила игры. // Журнал «Россия в глобальной политике». 14 февраля 2011. <http://globalaffairs.ru/number/Faktor-menyayuschii-pravila-igry-15107>
6. Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая. <http://www.polit.ru/research/2008/04/07/china.html>
7. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М., 1995. – Стр. 156

²⁶ Пример такого «минимального согласия» – идея «социально ориентированной рыночной экономики», разделяемая большинством вовлеченного в глобальное управление человечества.

Политика и общество 3 (99) • 2013

8. Воскресенский А. Незапад в дискурсе мирополитической компаративистики. // Международные процессы. Том 2. Номер 3 (6). Сентябрь-декабрь 2004.
9. Косолапов Н.А. Идеология и международные отношения на рубеже тысячелетий. // Очерки теории и методологии международных отношений. М., 2002.
10. Мартынов Б. «Групповой портрет» стран быстрого развития // Международные процессы. Том 6. Номер 1(16). январь-апрель 2008 <http://www.intertrends.ru/sixteenth/004.htm>
11. Тарасов А. «Антиглобалисты»: ликбез. http://scepssis.ru/library/id_2287.html
12. Аль-Хатыб, Ахмад. Глобализация: обман в определении и дикость в практике. <http://halifat.info/analysis/world/636-globalization-kapitalism.html>
13. Коновалов В.Н. Толерантность/ интолерантность в контексте глобализационных процессов. <http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/09510.htm>
14. Воскресенский Алексей. Китай в контексте глобального лидерства // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2 (май – август). <http://www.intertrends.ru/five/002.htm>
15. Манойло А.В. Глобальная нестабильность на пороге новой большой войны. // Мир и политика. – 2012. – №12. – С. 87-89.
16. Манойло А.В. Ценностные основы управления междивилизационными конфликтами: российская модель. // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. – 2012. – №3. – С. 89-92.
3. Rogov S.M., Kremenyuk V.A., Supyan V.B., Garbuzov V.N. Rossiya i novyy etap razvitiya mezhdunarodnykh otnosheniy. Str. 7-8.
4. Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii 12 iyulya 2008 goda
5. Ekonomi, Elizabet. Faktor, menyayushchiy pravila igry.// Zhurnal «Rossiya v global'noy politike». 14 fevralya 2011. <http://globalaffairs.ru/number/Faktor-menyayuschii-pravila-igry-15107>
6. Borokh O., Lomanov A. Skromnoe obayanie Kitaya. <http://www.polit.ru/research/2008/04/07/china.html>
7. Toynbi A. Tsivilizatsiya pered sudom istorii. – М., 1995. – Str. 156
8. Voskresenskiy A. Nezapad v diskurse miropoliticheskoy komparativistiki. // Mezhdunarodnye protsessy. Tom 2. Nomer 3 (6). Sentyabr'-dekabr' 2004.
9. N.A. Ideologiya i mezhdunarodnye otnosheniya na rubezhe tysyacheletiy. // Ocherki teorii i metodologii mezhdunarodnykh otnosheniy. М., 2002.
10. Martynov B. «Grupповой портрет» stran bystrogo razvitiya // Mezhdunarodnye protsessy. Tom 6. Nomer 1(16). yanvar'-aprel' 2008 <http://www.intertrends.ru/sixteenth/004.htm>
11. Tarasov A. «Antiglobalisty»: likbez. http://scepssis.ru/library/id_2287.html
12. Al'-Khatyb, Akhmad. Globalizatsiya: obman v opredelenii i dikost' v praktike. <http://halifat.info/analysis/world/636-globalization-kapitalism.html>
13. Konovalov V.N. Tolerantnost'/ intolerantnost' v kontekste globalizatsionnykh protsessov. <http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/09510.htm>
14. Voskresenskiy Aleksey. Kitay v kontekste global'nogo liderstva // Mezhdunarodnye protsessy. 2004. Т. 2. № 2 (may – avgust). <http://www.intertrends.ru/five/002.htm>
15. Manoylo A.V. Global'naya nestabil'nost' na poroge novoy bol'shoy voyny. // Mir i politika. – 2012. – №12. – S. 87-89.
16. Manoylo A.V. Tsennostnye osnovy upravleniya mezhtsivilizatsionnymi konfliktami: rossiyskaya model'. // Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 12. Politicheskie nauki. – 2012. – №3. – S. 89-92.

References (transliteration):

1. Al'terglobalizm – teoriya i praktika «antiglobalist-skogo dvizheniya» / Pod red. A.V. Buzgalina. М.: URSS, 2003.
2. Voytolovskiy F.G. Edinstvo i razobshchennost' Zapada. Ideologicheskoe otrazhenie v soznanii elit SShA i Zapadnoy Evropy transformatsiy politicheskogo miroponyadka 1940-e – 2000-e gg. – М.: Kraft+, 2007.
3. Rogov S.M., Kremenyuk V.A., Supyan V.B., Garbuzov V.N. Rossiya i novyy etap razvitiya mezhdunarodnykh otnosheniy. Str. 7-8.
4. Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii 12 iyulya 2008 goda
5. Ekonomi, Elizabet. Faktor, menyayushchiy pravila igry.// Zhurnal «Rossiya v global'noy politike». 14 fevralya 2011. <http://globalaffairs.ru/number/Faktor-menyayuschii-pravila-igry-15107>
6. Borokh O., Lomanov A. Skromnoe obayanie Kitaya. <http://www.polit.ru/research/2008/04/07/china.html>
7. Toynbi A. Tsivilizatsiya pered sudom istorii. – М., 1995. – Str. 156
8. Voskresenskiy A. Nezapad v diskurse miropoliticheskoy komparativistiki. // Mezhdunarodnye protsessy. Tom 2. Nomer 3 (6). Sentyabr'-dekabr' 2004.
9. N.A. Ideologiya i mezhdunarodnye otnosheniya na rubezhe tysyacheletiy. // Ocherki teorii i metodologii mezhdunarodnykh otnosheniy. М., 2002.
10. Martynov B. «Grupповой портрет» stran bystrogo razvitiya // Mezhdunarodnye protsessy. Tom 6. Nomer 1(16). yanvar'-aprel' 2008 <http://www.intertrends.ru/sixteenth/004.htm>
11. Tarasov A. «Antiglobalisty»: likbez. http://scepssis.ru/library/id_2287.html
12. Al'-Khatyb, Akhmad. Globalizatsiya: obman v opredelenii i dikost' v praktike. <http://halifat.info/analysis/world/636-globalization-kapitalism.html>
13. Konovalov V.N. Tolerantnost'/ intolerantnost' v kontekste globalizatsionnykh protsessov. <http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/09510.htm>
14. Voskresenskiy Aleksey. Kitay v kontekste global'nogo liderstva // Mezhdunarodnye protsessy. 2004. Т. 2. № 2 (may – avgust). <http://www.intertrends.ru/five/002.htm>
15. Manoylo A.V. Global'naya nestabil'nost' na poroge novoy bol'shoy voyny. // Mir i politika. – 2012. – №12. – S. 87-89.
16. Manoylo A.V. Tsennostnye osnovy upravleniya mezhtsivilizatsionnymi konfliktami: rossiyskaya model'. // Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 12. Politicheskie nauki. – 2012. – №3. – S. 89-92.